

СЕРГЕЙ ЧЕРТОПРУД | АЛЕКСАНДР КОЛПАКИДИ

ИСКУССТВО
РАЗВЕДКИ

АТОМНЫЕ АГЕНТЫ КРЕМЛЯ

ЗАПАДНЫЕ УЧЕНЫЕ УКРАВШИЕ
СЕКРЕТЫ ЯДЕРНОЙ БОМБЫ

Впервые биографии тайных информаторов Сталина —
западных ученых-участников атомного проекта

**Сергей Вадимович Чертопруд
Александр Иванович Колпакиди
Атомные агенты Кремля.
Западные ученые укравшие
секреты ядерной бомбы
Серия «Искусство разведки»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70415482

*Атомные агенты Кремля / Колпакиди А. И., Чертопруд С. В.: Родина;
Москва; 2023*

ISBN 978-5-00222-286-5

Аннотация

Операция советской разведки по добыванию атомных секретов Запада «Энормоз» (1941—1948 годы) считается одной из лучших в истории тайной войны. Благодаря этой операции Советский Союз в сжатые сроки смог создать собственное атомное оружие и лишить США монополии в этой области.

В «Энормоз» участвовало свыше 50 тайных информаторов Кремля – западных ученых и инженеров. Прошло больше 70 лет, но часть «атомных шпионов» так и не идентифицировано западными контрразведками.

Историки спецслужб Александр Колпакиди и Сергей Чертопруд впервые в одной книге рассказали о 40 «атомных агентах Кремля», большинство из которых ученые-ядерщики. Часть «шпионских» биографий этих людей публикуется впервые.

В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

Содержание

Вступление	7
«Я об этом прочел в газете»	13
Бригадный метод и «пятая колонна»	28
Читая газеты и книги	33
Тайные информаторы Москвы сообщают...	37
Назвать поименно	43
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Александр Колпакиди, Сергей Чертопруд Атомные агенты Кремля. Западные ученые укравшие секреты ядерной бомбы

«Что касается моих информаторов, то, уверяю Вас, это очень честные скромные люди, которые выполняют свои обязанности аккуратно и не имеют намерения оскорбить кого-либо»

Из письма И. Сталин президенту США т. Рузвельту 7 апреля 1945 года

«Получение данных материалов имеет громадное, неопенимое значение для нашего государства и науки. Теперь мы имеем важные ориентиры для последующего научного исследования, они дают возможность нам миновать многие, весьма трудоемкие фазы разработки урановой проблемы и узнать о новых научных и технических путях ее разрешения».

Отзыв И. Курчатова на добытые советской разведкой материалы по западным атомным проектам. 7 марта 1943 года

ИЗДАТЕЛЬСТВО

РОДИНА

© ООО «Родина», 2023

© Колпакиди А. И., 2023

© Чертопруд С. В., 2023

Вступление

Однажды один из несостоявшихся отцов немецкой атомной бомбы Карл Вайцзеккер¹ философски изрек: «Строго говоря, у атомной бомбы в начале сороковых годов прошлого века существовал лишь один принципиальный секрет: ее можно создать»².

Первыми эту тайну «узнали» в Берлине – в апреле 1939 года, когда фактически стартовал немецкий атомный проект. Подробно об этом будет рассказано во второй главе нашей книги. Спустя год, в апреле 1940 года – в Лондоне. Подробнее об этом событие мы расскажем в первой главе нашей книги. Третьими – в Вашингтоне, в мае 1941 года. Подробнее об этом событие – в четвертой главе нашей книги. Во время Второй мировой войны работы по созданию атомной бомбы проводились еще в Канаде и Японии. Но в первой из этих стран – совместный британо-американский проект с привлечением местных физиков и ресурсов (здания, оборудование и т. п.). В Стране Восходящего солнца этот процесс начался лишь летом 1943 года и в силу множества причин был обречен на неудачу.

¹ Вайцзеккер Карл (1912–2007) – немецкий физик, философ и политический деятель.

² Тольц В. Американские секреты советской атомной бомбы. // В мире спецслужб., 2005 год. Сентябрь. № 1(09).

«Узнать» тайну – еще не значит гарантировано создать атомную бомбу. Германия первой вступила в атомную гонку, а ее финансовые затраты и научный потенциал сравним с Манхэттенском проектом. К тому же у лидера выше шансы выбрать ошибочный и (или) тупиковый путь. А у тех, кто идет вторым и третьем, наоборот, больше вероятность избежать ошибок. И ускорить процесс собственных научных изысканий, пользуясь результатами первопроходца. Именно это и продемонстрировал Советский Союз. Во многом благодаря помощи многочисленных «тайных информаторов Москвы» из числа ученых и инженеров участвующих в американском и британском атомных проектов. Оговоримся сразу, что Канаду мы не рассматриваем в качестве самостоятельного участника атомной гонки. Ну а немецкие ученые сыграли важную роль в советском атомном проекте после окончания Великой Отечественной войны.

Руководство СССР планировало узнать «принципиальный секрет атомной бомбы» лишь к весне 1943 года. А как еще трактовать Распоряжение ГКО от 28 сентября 1942 года № ГКО-2352сс «Об организации работ по урану», первый абзац которого звучал так:

«Обязать Академию наук СССР (акад. Иоффе) возобновить работы по исследованию осуществимости использования атомной энергии путем расщепления ядра урана и представить Государственному комитету обороны к 1 апреля 1943 года доклад о возможности создания урановой

бомбы (выделено авторами) или уранового топлива».

Далее в этом документе набор указаний. Например, «К 1 марта 1943 года в Институте радиологии и Физико-техническом институте изготовить методами центрифугирования и термодиффузии уран-235 в количестве, необходимом для физических исследований, и к 1 апреля 1943 года произвести в лаборатории атомного ядра исследования осуществимости расщепления ядер урана-235».

Научное руководство проектом с 11 марта 1942 года официально было возложено на профессора И.В. Курчатова. Осенью 1942 года ему предоставили добытые советской разведкой материалы «по работам за рубежом над цепной реакцией в уране». Результаты анализа этих материалов и «предложения об организации работ по созданию атомного оружия в СССР» 27 ноября 1942 года он изложил в докладной записке первому руководителю советского атомного проекта – заместителю председателя ГКО В. М. Молотову.

«Из материала выяснилось, что еще в мае 1939 года в Англии началась в секретном порядке систематическая, организованная и руководимая специальным правительственным комитетом работа по определению возможности получения сверхвзрывчатых веществ путем использования ядерной энергии атомов урана...

Существенно отметить, что, на основании всей проведенной работы Английский комитет считает (не совсем еще, на мой взгляд, обосновано), что создание урановой бомбы яв-

ляется задачей, допускающей не только принципиальное, но и реально осуществимое решение. Английские ученые, работающие над этой проблемой, 10 против одного, считают, что она может быть доведена до полного практического решения (выпуск 3 бомб в месяц) в 1943 году, и что вся проблема поэтому имеет практическое значение и будет играть решающую роль в войне.

Судя по материалам, работы в 1942 г. как в Англии, так и в Америке должны были выйти из рамок лабораторных исследований, причем на работы в Америке ассигнуется 400 000 ам[ериканских] долларов...

Рассмотренный материал совершенно не содержит технических подробностей о физических исследованиях по самому процессу деления и, кроме того, в нем нет даже самых общих данных о содержании работ за весь 1942 год. Получение сведений по приводимому ниже перечню представляет, на мой взгляд, задачу первостепенной важности».

В конце документа выводы.

«1. В исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки и располагает в данное время несравненно меньшей материальной базой для производства экспериментальных работ.

2. В СССР проблема урана разрабатывается менее интенсивно, а в Англии и в Америке – более интенсивно, чем в довоенное время.

3. Масштаб проведенных Англией и Америкой в 1941 го-

ду работ больше намеченного постановлением ГКО Союза ССР на 1943 г.»

Фактически ученый признал тот факт, что осенью 1942 года СССР значительно отставал в сфере «исследования проблемы урана».

«4. Имеющиеся в распоряжении материалы недостаточны, для того чтобы можно было считать практически осуществимой или неосуществимой задачу производства урановых бомб, хотя почти и не остается сомнений, что совершенно определенный вывод в этом направлении сделан за рубежом».

К тому же добытых советской разведкой за рубежом данных недостаточно для раскрытия «принципиального секрета»: атомную бомбу можно создать в ближайшие несколько лет.

«5. Ввиду того, однако, что получение определенных сведений об этом выводе связано с громадными, а, может быть, и непреодолимыми затруднениями; и ввиду того, что возможность введения в войну такого страшного оружия, как урановая бомба, не исключена, представляется необходимым широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза...»

В силу разных причин решения ГКО СССР по урану не выполнялись в установленные сроки. Поэтому 11 февраля 1943 года вышло новое распоряжение № 2872сс о конкрет-

ных мероприятиях в организации работ по урану. Последний пункт этого документа звучал так:

«Обязать руководителя спецлаборатории атомного ядра проф. Курчатова И. А. провести к 1 июля 1943 года необходимые исследования и представить ГКО **к 5 июля 1943 года доклад о возможности создания урановой бомбы** (выделено авт.) или уранового топлива».

Как показали дальнейшие события в СССР проект по «созданию урановой бомбы» был фактически запущен значительно раньше начала второго полугодия 1943 года. И в какой-то мере заслуга в этом «тайных информаторов Москвы» – западных ученых, которые помогли своим советским коллегам не только сократить отставание в сфере «исследования проблемы урана», но помогли избежать ошибочных и тупиковых направлений в научной деятельности. Тем самым западные ученые помогли своим советским коллегам узнать второй «принципиальный секрет атомной бомбы» – как именно ее можно создать. Вопрос о роли и вкладе советской разведки в создании «атомной бомбы для Сталина» до сих пор вызывает бурные споры. Это тема для отдельной книги. Сейчас лишь отметим, что И.В. Курчатов в своих отзывах на добытые разведкой материалах не только положительно их оценивал, указывая на их важную роль в решении проблемы создания «урановой бомбы», но и запрашивал дополнительную информацию.

«Я об этом прочел в газете»

Среди ветеранов советской внешней разведки был популярен такой анекдот:

«— Чем профессиональный разведчик отличается от журналиста?

— Когда первый сообщает сенсационную новость, то обязательно добавляет в конце: «Я ее прочел в утренней газете». А второй гарантировано будет ссылаться на свои эксклюзивные источники».

Почему мы вспомнили эту историю? В 1939–1941 годах у советской внешней разведки были все шансы получить достаточно много информации из «открытых» источников — американских газет и научных журналов, как минимум, о текущей ситуации в сфере ядерной физики и возможном создании «урановой бомбы». Мы согласны, что этой информации было бы недостаточно для принятия решения о запуске советского атомного проекта, но, как минимум, это бы позволило активизировать работу американской, германской и британской резидентур по добычи информации по данной проблеме.

Весной 1939 года в США группа физиков-эмигрантов из Германии и Италии, состоявшей из Л. Сциларда, Ю. Вигнера, Э. Теллера, В. Ф. Вейскопфа и Э. Ферми, смогла убедить американских и британских коллег прекратить публиковать

в «открытой» печати результаты научных исследований в области ядерной физики. Причина – они опасались, что такая информация будет способствовать немецкой «ядерной программе». Любопытно, но примерно в это же время – в конце апреля, аналогичное решение было принято и в Германии. И тоже, по инициативе немецких ученых.

Фактически оба запрета носили рекомендательный характер, и публикации по ядерной физике продолжали появляться в «открытой» печати Германии и США. В Третьем Рейхе по минимуму, а вот в Америке. Несмотря на все предпринимаемые Вашингтоном усилия.

1 ноября 1939 года Консультативный комитет по урану представил президенту США Рузвельту доклад, в котором говорилось о реальной возможности получения, как атомной энергии, так и атомной бомбы. Л. Сцилард настаивал на том, чтобы все будущие доклады о ходе исследований были строжайшим образом засекречены и запрещены к публикации в общедоступной научной литературе.

Последняя инициатива Сциларда была реализована лишь в конце весны 1940 года. В апреле на заседании физического отделения Национального Исследовательского Совета (National Research Council) профессор Г. Брейт предложил образовать цензурный комитет для контроля статей, публикуемых во всех научных американских журналах. Первоначальным мотивом этого предложения было стремление установить контроль над публикацией статей по делению урана.

Сформировавшийся несколько позднее Проверочный Комитет (при Национальном Исследовательском Совете) стал общим руководящим органом проведения издательской политики во всех областях, представлявших военный интерес. Были организованы различные подкомитеты, из которых первый должен был заниматься делением урана.

Редакторы различных журналов должны были представлять копии статей, относящихся к атомной области. В случае сомнений в их допустимости к печати, статьи рассылались всем членам подкомитета для обсуждения допустимости их к печати и информировании редакторов о решении. Считалось, что эта цензурная организация ученых была полностью добровольной. (В измененном виде эта организация существовала и в июне 1945 года).

Справедливости ради отметим, что с одной стороны, такая цензура до середины 1940 года была малоэффективной – в американских газетах активно обсуждалась тема влияния атомного оружия на исход войны. Лишь с октября 1940 года из американских газет исчезли все публикации на данную тему. А с другой стороны, советская разведка, как и год назад игнорировала такие публикации. Ну а германской разведки они были неинтересны. Ведь в отличие от Великобритании, СССР и США Третий Рейх вступил в «атомную гонку» и достиг определенных успехов. К тому же в американских газетах не сообщалось ничего нового для тех, кто в теме.

В качестве примера вот такая история. 5 мая 1940 го-

да научный обозреватель газеты «Нью-Йорк таймс» У. Лоуренс опубликовал статью, где были такие набранные жирным шрифтом цитаты: «Источник атомной энергии огромной мощи, открытый наукой», «Обнаружена разновидность урана, обладающая энергией в 5 млн. раз большей, чем уголь», «Ученым приказано посвятить все время исследованиям», «Потрясающая взрывная сила». Лоуренс сообщал читателям, что Германия стремится овладеть энергией атома. Он предсказывал: атомное оружие скоро будет взято на вооружение армиями великих держав.

Забавно, но в июне 1940 года советский академик В. И. Вернадский получил письмо от жившего в США сына, историка Г. В. Вернадского с вырезанной из газеты данной статьей. В ответном письме сыну В. И. Вернадский писал: «Спасибо за присылку выдержки из "New-York Times". Это было первое известие об этом открытии, которое дошло до меня и до Москвы вообще. Я немедленно двинул дело...». 26 июня 1940 года Академия наук проинформировала заместителя Председателя Совнаркома СССР Н. А. Булганина об организации работ в США и Германии в сфере «возможности использования внутриатомной энергии».

7 сентября 1940 года У. Лоуренс в новой статье «Атом сдается», опубликованной теперь в «Сатерди ивнинг пост», рассказывал о мощи «урановой взрывчатки» и доказывал, что близится поворот в методах войны. Неизвестно, прочел ли ее В. И. Вернадский. Если да, то отправил ли отцу. Пуб-

ликации У. Лоуренс – не единственный источник информации.

15 июня 1940 года американский журнал «Физикал ревью» опубликовал статью, в которой сообщалось об открытии нового трансуранового элемента – плутония, (с номером 94 по периодической таблице). Из статьи следовало, что новый трансурановый элемент можно получить из урана – 238. При этом по своим свойствам он куда лучше подходит для создания атомной бомбы, чем природный уран. Статья вызвала возмущение видных британских ученых, считавших, что в военное время публикации подобных материалов должна быть запрещена. И если бы немецкие ученые узнали об этой публикации, то теоретически, это бы значительно ускорило реализацию германского «атомного проекта».

Эта публикация спровоцировала международный скандал. Лондон возмутился и потребовал, что бы такое больше не повторилось.

27 января 1941 года руководитель советской внешней разведки Павел Фитин направил письмо зам. резидента нью-йоркской резидентуры Г. Б. Овакумяну о задачах в области научно-технической разведки. В перечне заданий, под № 30, значилась:

«Об уране-235».

В шанхайской газете «Норс Чайна Дейли Ньюс» от 26.6.40 г. была помещена статья о работе, проводимой физическим отделением Колумбийского университета (Нью-

Йорк), по получению нового вещества, обладающего громадной энергией, превышающей энергию угля в несколько миллионов раз, это вещество названо «U-235». О первых результатах этой работы было напечатано в официальном органе американских физиков – в «Физикел ревью».

В конце февраля прошлого года в университете Миннесоты под наблюдением профессора Альфреда О.Ниера это вещество в минимальных количествах было якобы получено в чистом виде и испытано при помощи колумбийского 150-тонного циклотрона (установка для дробления атома в Колумбийском университете). [...] Испытания дали положительный результат и стимулировали дальнейшие усилия в этой работе.

Данной проблемой много занимаются и советские физики и, по-видимому, эта проблема реальна. [...]»³

В отечественной полуофициальной истории советского атомного проекта это задание считается началом операции по сбору информации о том, что происходило на Западе⁴. Справедливости ради отметим, что оперативно-агентурное дело «Энормоз», куда аккумулировались все добытые внешней разведкой данные по этой теме, было заведено лишь осенью 1941 года. Почему так произошло – тема рассказа для

³ Сергутин С. В. Информационно-разведывательное обеспечение советского оборонно-промышленного комплекса (1936–1941) // РСМ. 2011. № 4.

⁴ Губарев В. С. Ядерная заря. Курчатов против Оппенгеймера. – М.:2023. – С. 28

отдельной книги. Поясним, что оперативно-агентурное дело заводится «для накопления, регистрации, хранения и систематизации агентурно-оперативных и иных документов, отражающих организацию и результаты разведывательной деятельности в различных ее формах, а также по линиям и объектам разведывательного обеспечения».

На 96-й день Великой Отечественной войны Лаврентий Берия прочел «Справку на № 6881/1065 от 25.IX.41 г. из Лондона». Она начиналась такими словами:

««Вадим» (резидент советской внешней разведки в Лондоне Анатолий Горский – прим. авт.) передает сообщение «Листа» (агент советской разведки Джон Кенкросс, один из членов легендарной «кембриджской пятерки») о состоявшемся 16.IX.41 г. заседания Комитета по урану. Председателем совещания был «Босс».

На совещание было сообщено следующее.

Урановая бомба вполне может быть разработана в течение двух лет, в особенности, если фирму «Империал Кемикал Индастисс» обяжут сделать это в наиболее сокращенный срок...».

А заканчивалось оно такими словами.

«Комитетом начальников штабов на своем совещание, состоявшемся 20.IX.41 г., было вынесено решение о немедленном начале строительства в Англии завода для изготовления атомной бомбы.

«Вадим» просит дать оценку «Лист» по урану».

Этот документ, «Справка на № 7073, 7081/1096 от 3.X.41 г. из Лондона» («Справка 1-го Управления НКВД СССР о содержании доклада «Уранового комитета», подготовленная по полученной из Лондона агентурной информации»), два доклада «Научно-совещательного комитета при Английском комитете обороны по вопросу атомной энергии урана», а так же переписка по этому вопросу между руководящими работниками комитета были направлены наркомом внутренних дел Лаврентием Берией начальнику 4-го спецотдела НКВД СССР майору госбезопасности Валентину Александровичу Кравченко. Последний, внимательно изучил все полученные материалы и рекомендовал провести два мероприятия.

«1) Поручить заграничной агентуре 1-го Управления НКВД СССР собрать конкретные проверенные материалы относительно постройки аппаратуры и опытного завода по производству урановых бомб;

2) создать при ГКО СССР специальную комиссию из числа крупных ученых СССР, работающих в области расщепления атомного ядра, которой поручить представить соображения о возможности проведения в СССР работ по использованию атомной энергии для военных целей»⁵.

⁵ Записка начальника 4-го спецотдела НКВД СССР наркому Л. П. Берии о работах по использованию атомной энергии в военных целях за рубежом и необходимости организации этой работы в СССР от 10 октября 1941 года. // цит. по Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1. 1938–1945: в 2 ч. Часть 1. – М., 1998., – С. 242–243.

Из-за сложной обстановки на фронте предложенные мероприятия удалось реализовать только в марте 1942 года.

В марте 1942 года из Москвы в Лондон и Нью-Йорк резидентам отправлены оперативные письма, в которых четко обозначены направления работы в области научно-технической разведки.

В Лондон, А. В. Горскому:

«По линии техники перед нами сейчас стоит большая необходимость в получении как информации, так и конкретных материалов по проводимым в вашей стране работам в области: 1) военной химии – отравляющим веществам и защите от них; 2) бактериологии – изысканиям новых бактериологических средств нападения и защиты; 3) проблемам урана-235 и 4) новым взрывчатым веществам.

Всем этим вопросам сейчас уделяется исключительное внимание, и в вашей стране необходимо максимальное усилие для освещения этих вопросов...»

В Нью-Йорк, «Максиму»:

«Обстановка настоящего времени настоятельно требует мобилизации всех имеющихся у нас возможностей для развертывания разведывательной работы в разрезе заданий, данных в п. № 4 (1941 г.) и др. Указаний, и особенно по химии ОВ, защите от ОВ, вопросам бактериологии и проблеме урана-235...

Над проблемой получения урана-235 и использования его как взрывчатого вещества для изготовления бомб огром-

ной разрушительной силы в настоящее время очень усиленно работают в Англии, Германии и США, и, по-видимому, проблема довольно близка к ее практическому разрешению. Этой проблемой нам необходимо заняться со всей серьезностью...»⁶

26 ноября 1942 года Центр направил в резидентуру Нью-Йорка вот такое сообщение:

«Проблеме урана-235 (условно называем его “Энормоз”) мы придаем большое значение. Имея нек-е и весьма неплохие возможности для агент. разработки лиц, работающих в США над этой проблемой, мы до сих пор не приступили к Энормоз этим разработкам. Наши неоднократные указания в этом направлении остались до сих пор даже без ответа, если не считать сообщений “Таланта” о его попытках встретиться с рядом лиц, работающих над проблемой “Энормоза”.

Учитывая большую засекреченность работ по “Энормозу” и то большое значение, к-е придается этой проблеме в США со своей стороны считаем нужным отдельно остановиться на методах ведения этой агентурной разработки.

1. Нужно заранее исключить практику прямых переговоров по в-су об “Эн-зе” с лицами, работавшими над этой проблемой. Такими переговорами можно вызвать только настороженность таких лиц. Здесь требуется мобилизация подлинно агент-х приемов разработки.

⁶ Губарев В. С. Ядерная заря. Курчатов против Оппенгеймера. – М.: 2023. – С. 33–34

Из сообщения “Таланта”, полученного с п. № 2-42 видно, что он действует именно такими методами прямых переговоров, добиваясь встреч с лицами, работающими над Э. В связи с этим предлагаем от использования “Таланта” в этой разработке отказаться...»⁷

Кратко расскажем об агенте «Талант», он же «Генри». Уильям Мариас Малисов (1895–1947), эмигрант из Российской империи. С 1922 года по 1934 год – адъюнкт-профессор биохимии и преподаватель философии в Пенсильванском университете. В 1934 году основал журнал "Философия науки" и был его первым редактором до своей смерти в 1947 году. С 1934 года по 1942 год – адъюнкт-профессор биохимии в Бруклинском политехническом институте. С 1936 по 1942 год он регулярно публиковал статьи о науке и технике в "Нью-Йорк Таймс Бук ревью". Также Малисов вместе с Нильсом Бором⁸, Бертраном Расселом⁹, Эрнестом Нагелем¹⁰

⁷ Vassiliev Black Notebook, 2009. – С. 108–109

⁸ Нильс Бор – датский физик-теоретик и общественный деятель, один из создателей квантовой механики. Лауреат Нобелевской премии по физике в 1922 году за вклад в ядерные реакции.

⁹ Бертран Рассел – британский философ, логик, математик и общественный деятель. Внёс значительный вклад в математическую логику, историю философии и теорию познания. Рассел считается одним из основателей английского неореализма, а также неопозитивизма. Лауреат Нобелевской премии по литературе (1950).

¹⁰ Эрнест Нагель – чешско-американский философ науки. Вместе с Р. Карнапом, Х. Райхенбахом и К. Г. Гемпелем считается одним из крупнейших учёных в движении логического позитивизма.

и другими входил в консультативный комитет Международной энциклопедии объединенной науки.

Фактически Уильям Мариас Малисов, благодаря своим связям в научных кругах Европы и США мог выступать в роли «наводчика» для советской внешней разведки. Если учесть, что он к тому же был владельцем и руководителем компании United Laboratories, Inc, которая специализировалась в области различных смазок и нефтехимии, в т. ч. и для американской армии и ВМФ. Например, в 1943 году сотрудник советской резидентуры Леонид Квасников встречался с ним 23 раза.

«Талант» попал под пристальное внимание ФБР в 1940 году из-за регулярных встреч с резидентом советской разведки в США Гайком Овакимяном («Геннадий»). Они познакомились, когда последний с 1939 года по 1940 год учился в докторантуре по химии в Нью-Йоркском университете. В апреле 1941 года «Геннадий» был вынужден уехать из США, а связь с «Талантом» поддерживал другой сотрудник резидентуры – Михаил Шаляпин («Сток»).

Снова процитируем фрагмент указания Центра резидентуры в Нью-Йорке в отношении «Таланта» и атомного шпионажа:

«Прекратите встречи “Таланта” с Уреем¹¹, Гроссе, Вит-

¹¹ Гарольд Клейтон Юри (Урей, Юрей) (1893–1981) – американский физик и физикохимик, член Национальной АН (1935). Нобелевская премия по химии (1934). В 1940–1945 годах – профессор Колумбийского ун-та в Нью-Йорке, руководитель лаборатории этого университета по разделению изотопов. В «Манх-

тенбергом для переговоров по этому вопросу. Ему можно объяснить, что нас эта проблема перестала интересовать, что мы ее считаем практически нереальной...».

Кроме «Таланта», были и другие советские агенты, которые выступали в роли «посредников» между участниками западных атомных проектов и разведкой СССР. Например, в окружение Роберта Оппенгеймера было несколько таких людей. Но при этом сам научный руководитель Манхэттенского проекта не был советским агентом. Хотя это не исключает того, что он мог догадываться о специфичной роли людей из своего окружения и, например, в беседах с ними сообщать некие сведения, что могли заинтересовать советскую разведку.

Так же нужно учитывать тот факт, что во время Великой Отечественной войны в США было достаточно много лиц из числа инженеров и ученых, что придерживались левых (коммунистических) политических взглядов и (или) просто сочувствовали СССР и воспринимали нашу страну как союзника, которому нужно помогать. Большинство из них официально не сотрудничало с советской разведкой, но они знали тех, кто мог передать нужную информацию в Москву (из числа своих коллег или тех, кто разделял их политические взгляды) и через них передавали нужные сведения.

В данной книге мы расскажем лишь о тех, кто напрямую

эттенском проекте» руководил работами по газодиффузионному методу разделения изотопов урана-235, развитием производства тяжелой воды.

сотрудничал с советской разведкой в сфере атомного шпионажа, и чья роль была доказана судом и (или) западными журналистами. Например, история о том, как советская разведка пыталась завербовать Роберта Оппенгеймера, и сколько человек из его окружения были «тайными информаторами Москвы» – тема для отдельной книги. Причина – в этой истории интересна не биография ученого, а «шпионский» компонент происходящего вокруг него.

Как пример – один из эпизодов оперативной разработки Оппенгеймера советской разведкой. С ноября 1941 года по ноябрь 1944 года резидентом легальной внешней советской разведки в Сан-Франциско (США) был Григорий Маркович Хейфиц («Харон», «Гримериль»). Он принимал активное участие в разведывательном обеспечении советского атомного проекта¹². Понятно, что речь идет о поиски новых источников информации и вербовки агентуры. Для этого он использовал связи своей любовницы Луиз Брэнстен, контакты функционеров компартии США и агента групповода Айзека Фолкоффа («Дядя»).

В декабре 1941 года «Харон» установил доверительный контакт с будущим руководителем американского атомного проекта Робертом Оппенгеймером. По данным ФБР Айзек Фолкофф пытался организовать встречу между ученым и неким «Томом», возможно разведчиком-нелегалом Нау-

¹² Колпакиди А., Прохоров Д. Внешняя разведка России. – СПб., М., 2001. – С. 384–386.

мом Исааковичем Эйтинггоном¹³. Что произошло дальше и сколько еще советских агентов было в ближайшем окружение американского физика – тема для отдельной книги. Сейчас лишь скажем, что Родина высоко оценила вклад Григория Хейфица в советскую атомную программу – наградила орденом Красной Звезды и медалью «За боевые заслуги».

¹³ Позняков В. В. Советская разведка в Америке. 1919–1941. – М., 2005., – С. 395–396.

Бригадный метод и «пятая колонна»

Нужно учитывать специфичный метод работы советских агентов в США в годы Великой Отечественной войны. Его принято называть «бригадным». Члены каждой группы (только по линии научно-технической разведки их действовало не менее трех, не считая агентов-одиночек) действовали как бригада. Они прекрасно знали друг друга, часто фотографировали документы вместе, а все добытые материалы передавали через курьера или своего «бригадира».

Другая особенность – наличие «пятой колоны» состоящей из американских коммунистов и симпатизирующих этому политическому течению. Один из многочисленных примеров. В 1940 году в университетском городе Беркли в штате Калифорния (Центр научно-исследовательских работ по ядерной физике, в последствие ставшего теоретическим центром американского атомного проекта) трудилось около 100 ученых-коммунистов. И это когда популярность компартии США была не очень высокой (пакт Молотова-Риббентропа вызвал антипатии к СССР коммунистов всего мира). Часть из этих людей впоследствии участвовало в американской атомной программе. Именно среди этих людей агенты советской внешней разведки искали и находили своих информаторов.

Были коммунисты и в Лос-Аламосской лаборатории. Вес-

ной 1943 года ее основал знаменитый физик и один из руководителей американского атомного проекта Роберт Оппенгеймер «для исследования, конструирования и постройки атомной бомбы». Сам он тоже придерживался левых политических взглядов. Его первая любовь, жена, брат и целый ряд близких друзей и коллег на каком-то этапе были коммунистами.

Вот как описывался этот сверхсекретный объект, расположенный в безлюдной местности в штате Нью-Мексика (до ближайшего населенного пункта – небольшого городка Санта-Фе – 70 км) в окружение военных полигонов, в одной из справок подготовленных сотрудником 3-го отдела Первого управления НКГБ Еленой Михайловной Потаповой.

«Лагерь – 2 (он же Лагерь «У», Лаборатория 2 – одно из кодовых наименований этой лаборатории используемое советской разведкой) изолирован от внешнего мира. Он расположен в пустынной местности на вершине плоской «столовой» горы. На территорию лагеря, огороженного колючей проволокой и находящегося под специальной усиленной охраной, проживает около 2000 человек. Для них созданы хорошие бытовые условия: удобные квартиры, площадки для игр, бассейны для плавания, клуб и т. п. Почтовая переписка с внешним миром контролируется. Выезд работников из лагеря разрешен только по предварительному разрешению военных властей»¹⁴.

¹⁴ Письмо НКГБ Л. П. Берии «о ходе работ по созданию атомной бомбы за ру-

Среди тех, кого подозревали в связях с советской разведкой, были приехавшие из Беркли в Лос-Аламос коммунисты: Роберт Дэвис (находился на секретном объекте с марта 1943 года по декабрь 1948 года) – заведовал библиотекой секретных отчетов и литературы и Дэвид Хокинс (в Лос-Аламосе с мая 1943 года до лета 1946 года) – занимал различные административные посты. Сотрудничество этих людей с Москвой официально не подтверждено, но оба находились под серьезным подозрением со стороны американской контрразведки.

Если бы Роберт Дэвис действительно был советским агентом, то его достижения в сфере «атомного шпионажа» были бы колоссальными. Фактически Москва могла бы пользоваться библиотекой секретных отчетов точно так же, как научное руководство американского атомного проекта. Заказывать по каталогу любые документы и в течение нескольких месяцев получать их.

А с Дэвидом Хокинсом, не имевшим к ядерной физике никакого отношения (он был дипломированным философом) другая история. По мнению отдельных американских журналистов и историков, он в Лос-Аламос попал по чьей-то протекции и занял один из административно-технических постов в аппарате управления атомного проекта. Его должность и личные качества характера позволили установить

бежом» от 28 февраля 1945 года. // цит. по: Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 3 т. Том 1. 1938–1945: в 2 ч. Часть 2. – М., 2002., – С. 235.

контакты с множеством ученых и инженеров¹⁵. Маловероятно, что в Лос-Аламос он приехал по собственной инициативе. В 1943 году это место сложно было назвать комфортным. И если у физиков-ядерщиков не было особого выбора, где им еще заниматься научными исследованиями, то у административного работника был шанс найти работу в более цивилизованном месте. Если бы он был агентом Москвы и прибыл в Лос-Аламос выполняя задание советской разведки или тех, кто работал на нее (например, друзей – коммунистов), то чем бы он занимался?

«Тайные информаторы Кремля» предлагали своим коллегам по работе и однопартийцам помочь Москве ускорить процесс создания советской атомной бомбы. Большинство людей отказывалось от участия в шпионаже, но при этом не сообщали о попытке «вербовки в лоб»¹⁶.

Это затрудняло работу американской контрразведки. Например, в конце 1945 года в Нью-Йорк на несколько дней из Лос-Аламоса приехал высокопоставленный сотрудник американского атомного проекта. ФБР не без оснований подозревала этого человека в сотрудничестве с советской разведкой, но доказать ничего не могла. С ним попытался встретиться советский разведчик Анатолий Антонович Яцков –

¹⁵ Эванс М. Тайная война из-за атомной бомбы. – Вып. 2., – М., 1955., – С. 101–104.

¹⁶ Эванс М. Тайная война из-за атомной бомбы. – Вып. 1., – М., 1955., – С. 56–57.

один из шести советских разведчиков удостоенных звания Герой России за вклад в решение «атомной проблемы» в нашей стране. Из-за того, что американца плотно опекали агенты ФБР, личной встречи не получилось¹⁷. Этот человек так и не был разоблачен американской контрразведкой.

¹⁷ Эванс М. Тайная война из-за атомной бомбы. – Вып. 2., – М., 1955., – С. 97–98.

Читая газеты и книги

Справедливости ради отметим, что к 1945 году советская разведка в США использовала не только возможности агентурной разведки для сбора информации по «Энормозу», но и, например, внимательно читала британские и американские газеты. Так, 18 октября 1945 года профессор и директор физического отделения Бирмингемского университета Маркус Олифант во время выступления в Бирмингеме «сообщил, что применяемые против Японии атомные бомбы сейчас уже устарели. Сейчас будут производиться бомбы в 100 раз сильнее...» и призвал создавать бомбы в 1000 раз сильнее. На следующий день его выступление опубликовала «Таймс»¹⁸. А советская разведка переслала перевод этой статьи в Москву.

А вот сообщения американских СМИ в СССР попадали с запозданием. Например, 5 ноября 1948 года «Нью-Йорк геральд трибун» опубликовала заметку «Работы по получению новых материалов в Металлургической лаборатории Атомной комиссии». А «Уорлд Телеграф» 29 октября 1948 года написала про «Производства дейтерида урана» – соединение урана и дейтрия. В Москве узнали об этом 26 января 1949

¹⁸ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т... Т. III. Водородная бомба. 1945–1956. Книга 1. – Саров., 2008., – С. 10

года¹⁹.

С книгами еще интереснее. Например, в сентябре 1945 года в США была издана книга Г. Д. Смита «Атомная энергия для военных целей. Официальный отчет о разработке атомной бомбы под наблюдением правительства США». С этой книгой ознакомился академик И. В. Курчатов и заявил, что в ней «освещен ряд вопросов, которые ранее не были разрешены нашими учеными, занимающимися проблемой № 1, и что, по его мнению, книга представляет большой интерес для лиц, занимающихся этой проблемой». В декабре 1945 года ее хотели издать тиражом в 2 тыс. экземпляров, под грифом «Для служебного пользования» и напечатать в типографии НКВД. Но в январе 1946 года руководство советского атомного проекта приняло иное решение. Напечатать в обычной типографии – «Трансжелдориздат», тиражом 30 тыс. экз. и разрешить свободную продажу²⁰.

В Москве обоснованно предположили, что в доклад Смита не только не вошли крайне важные секретные данные, имевшие отношение к атомной бомбе, но и намеренно была включена дезинформация для того, чтобы ввести в заблуждение советских ученых. Агенту советской внешней разведки «Эрнсту» поручили выяснить было поручено вы-

¹⁹ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т... Т. III. Водородная бомба. 1945–1956. Книга 1. – Саров., 2008., – С. 173–174

²⁰ Атомный проект СССР: Документы и материалы. В 3 т... Т. II. Атомная бомба. 1945–1956. Книга 2. – Саров., 2000.– 402–404.

яснить, насколько соответствует действительности это предположение. 27 ноября 1945 года резидент в Сан-Франциско сообщил в Москву, что «Эрнст» был послан на встречу инженером Моррисом Перельманом работающим в Лос-Аламосе и профессором, чью личность установить не удалось. Согласно сообщению, оба последних были знакомы со Смитом. «Эрнсту» предстояло узнать, что им известно о докладе. Высока вероятность того, что оба собеседника советского агента не знали о его тайной связи с Москвой. Кроме того, «Эрнст» встретился еще с одним ученым, обозначенным в переписке резидентуры с Москвой как «Д.». Последний снабдил «Эрнста» данными, отсутствующими в докладе Смита. Причем «Д.» прекрасно знал с кем имеет дело. В шифровке имеется ссылка на готовность Д. в любое время «передать нам» имеющуюся у него техническую информацию по Манхэттенскому проекту²¹.

Поясним, что «Эрнст», он же «Ири» – «Поль Нахин, гр. США, д-р хим. наук, фирма "Юнион Ойл Ко" в Калифорнии». К сотрудничеству с советской внешней разведкой был привлечен в 1943 году Семеном Семеновым («Твен»). Выполнял роль наводчика на потенциальных агентов по линии научно-технической разведки²². В конце 1944 года был задействован «в разработке «Честера» (Роберта Оппенгейме-

²¹ Лайнер Л. «Венона». Самая секретная операция американских спецслужб. – М., 2003., – С. 253–254

²² Vassiliev White Notebook #1, 2009, – 116-117

pa)²³.

Тайные информаторы Москвы сообщают...

Выше мы писали о том, что осенью 1942 года И. В. Курчатов «жаловался», что в его распоряжение предоставили лишь материалы полученные советской разведкой в 1941 году. К началу 1943 года ситуация кардинально изменилась.

К марту 1943 года советская внешняя разведка смогла добыть 286 секретных научных документов и закрытых публикаций по атомной энергии. Эти документы или их краткое описание были представлены для ознакомления И. В. Курчатову. 4 июля 1943 года ученый подготовил отзыв на Перечень работ американских и английских ученых, поступивших из НКГБ. И. В. Курчатов указал, что было прислано 286 названий: 39 из них являются отчетами, содержание которых неизвестно; содержание 10 работ остается мало ясным и далее дал анализ 237 работ по темам:

29 работ по разделению изотопов урана;

18 работ по разделению изотопов урана центрифугальным методом;

4 работы по разделению изотопов урана методом электролиза;

6 работ по разделению изотопов тяжелых элементов в ректификационных колонках;

5 работ по общим вопросам разделения изотопов;

10 работ по осуществлению урановой бомбы из урана – 235;

32 работы по котлу «уран – тяжелая вода»;

29 работ по «уран – графитовому» котлу;

14 работ по 93 и 94 элементам (нептуний, плутоний);

3 работы по урану-232 и урану – 233;

30 работ по общим вопросам нейтронной физики и физике деления ядра;

55 работ по химии урана;

3 работы по физиологическому действию урана и радиоактивных веществ.

И. В. Курчатов отмечал, что работы по этим направлениям продлятся у нас, кроме двух (по котлу «уран – тяжелая вода» и разделению изотопов урана методом электролиза). Ученый особо отметил на тот факт, что: «В последнее время американцы очень неохотно сообщают в Англию свои данные, объем работ у них несравненно выше, чем в Англии, поэтому обмен данными мало дает Америке технически, но приводит к разглашению тайн. Так как в Англии по проблеме урана работает много иностранцев, американцы считают такое разглашение особо неприятным, так как опасаются, что после войны результаты работы будут сообщены этими иностранными учеными своим правительствам».

В 1943 году помощнику наркома химической промышленности А. И. Васину было передано из ГРУ Генштаба Красной Армии 449 листов документов по тематики связан-

ной с разработкой атомного оружия.

Вот неполный перечень того, что было добыто с мая 1944 года по март 1945 года.

26 июня 1944 г.: ГРУ Генштаба Красной Армии направило в НК химической промышленности «18 материалов», содержащих 986 «фотоклише» и «19 листов печатного текста». Это научно-техническая документация Metallургического и Клинтонской лабораторий, фирмы Дюпон и др. за 1943 г, отражающих, главным образом, проблемы разработки и строительства реактора и завода по химическому выделению плутония.

5 июля 1944 г.: НКГБ СССР направил в Народный комиссариат химической промышленности письмо с разведматериалами: 49 фотоклише и 9 листов печатного текста.

22 декабря 1944 г.: Помощник наркома химической промышленности А. И. Васин направил в Лабораторию № 2 АН СССР И. В. Курчатову 35 тетрадей (612 листов) разведматериала по разделительной установке.

1944 г.: Наркому химической промышленности М. Г. Первухину передано из ГРУ Генштаба Красной Армии 124 документа на 3868 листах документов. Помимо документов, разведчики получили и передали физикам образцы урана, его окиси, тяжелой воды, графита, бериллия и др.

7 февраля 1945 г.: И. В. Курчатову направлены 2 листа печатного текста и 122 фотоклише разведматериалов.

28 февраля 1945 г.: Заместитель начальника Лаборато-

рии № 2 АН СССР И. К. Кикоин направляет отзыв на содержание разведматериалов по диффузионной установке, поступивших из 1-го Управления НКВД СССР (79 листов печатного текста и 29 листов фотоклише).

5 марта 1945 г.: От советской разведки получено 8 листов печатного текста и 25 фотоклише документов.

5 марта 1945 г.: Начальник I-го Управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности П. М. Фитин направляет наркому НКГБ СССР В. Н. Меркулову рапорт о неудовлетворительном состоянии работ по атомному проекту и нарушения режима секретности в Лаборатории № 2 АН СССР. В рапорте он отмечает, что добытые разведданные являются ценнейшим пособием для наших научно-исследовательских организаций. Указанные материалы направлялись в течение 1943–1944 гг. и по настоящее время для использования Лабораторией № 2 АН СССР. По мнению П. М. Фитина, их использование остается неудовлетворительным. Так, за 1944 год, получены и переданы 117 наименований работ на 86 из которых не получено никакого заключения.

7 апреля 1945 г.: И. В. Курчатов направляет заключение на 34 листа печатного текста об эффективности ядерного взрывчатого вещества, методах взрыва и др., поступивших из I-го Управления НКГБ СССР. Он отметил, что были получены материалы в которых содержались данные по атомным характеристикам ядерного взрывчатого вещества, но неизвестно каким путем была достигнута высокая сте-

пень точности в определении сечения как урана, так и плутония, дифференциальным или интегральным. Важно получить хотя бы самые общие сведения об опытах по размножению нейтронов, проводимых с большим количеством урана-235 или плутония. Также получены сведения по методу активации атомной бомбы, деталям взрывного метода приведения атомной бомбы в действие. И. В. Курчатов отметил, что метод «взрыва во внутрь» наши физики только начинают разрабатывать и оценены его преимущества. В материалах получены схема распространения детонации, описание процесса сжатия тела взрыва и самого взрыва. И. В. Курчатов констатировал, что это особо ценный материал и требует дополнительного освещения. Также получен материал по электромагнитному методу разделения изотопов урана, который представляет большой интерес и было бы важно знать и выяснить некоторое перечисление параметров.

11 апреля 1945 г.: И. В. Курчатов направляет заключение на разведматериалы (107 стр. – 99 лл. печатного текста) о технологии получения урана, создания реакторов и др., полученных из I-го Управления НКГБ СССР. Он отмечал, что это очень ценный в разных отношениях материал, содержащий теоретически важные указания, описания технологических процессов и методов анализа, дает представление о темпах работы отдельных лабораторий и возможных сроках введения в действие атомных агрегатов. Далее давался анализ материала по разделам: 1. Технологические и химиче-

ские вопросы (Очистка соединений урана от примесей, фтороуглеводы). 2. «Уран-графитовый котел» 3. Котел «уран – тяжелая вода». 4. Работы одной из лабораторий за период с марта 1943 г. – июнь 1944 гг. 5. Разные вопросы. (рассматриваются два типа котлов, опыты по содержанию и выделению урана, по определению сечения деления плутония медленными нейтронами, по определению наличия плутония и нептуния в урановых рудах, описаны опыты по спонтанному делению и др.).

Усилиями советской военной разведки в период с 1941 года по 1949 год было добыто 5785 листов секретных материалов об атомных проектах США, Великобритании, Германии и Японии и 25 образцов²⁴.

²⁴ Лота В. И. За гранью возможного: Военная разведка России на Дальнем Востоке 1918–1945 гг. – М., 2008., – С. 527

Назвать поименно

История советского атомного проекта уникальна. С одной стороны опубликованы тысячи документов, в т. ч. и из архива Службы внешней разведки России – 12 томов «Атомного проекта СССР. Документы и материалы», сборник документов и материалов «К истории мирного использования атомной энергии в СССР. 1944–1951 годы» и др. Больше сотни книги воспоминаний и биографий участников советского атомного проекта. Примерно такое количество монографий и научно-популярных изданий на тему различных аспектов создания атомной бомбы в СССР. Среди них есть и публикации на тему участия советской разведки. Но при этом очень мало уделяется внимание западным ученым, которые с осени 1941 года по 1949 год передавая Москве секретную информацию, фактически участвовали в советском атомном проекте.

Мы решили исправить ситуацию и рассказать об этих людях. Один из источников информации – т. н. «Тетради Александра Васильева». Кратко об этом человеке и о его «бумагах». Родился в 1961 году в Москве. В 1984 году закончил журфак МГУ им. Ломоносова. Год проработал в газете «Комсомольская правда». В 1985 году продолжил учебу в институте КГБ имени Андропова. Выпускник 1987 года. С 1987 по 1990 год – сотрудник Первого главного управления

КГБ. В 1990 году уволился. Далее возвратился в редакцию «Комсомольской правды» и вплоть до 1996 года трудился репортером и международным обозревателем. Параллельно писал сценарии для различных программ телевидения.

В середине 1993 года с Васильевым созвонились представители пресс-бюро внешней разведки и предложили принять участие в написании книги, в основу которой должны были войти документы из секретного архива советской внешней разведки. Тема: деятельность советской разведки в США в тридцатые-сороковые годы. Скажем так – это был не единственный такой книжный проект. Другое дело, что финал у него был необычный.

Был подписан контракт. Позднее произошло знакомство Васильева с американским напарником – Алленом Вайнстайном. Для более плодотворной работы Александру пришлось уволиться с телевидения.

Задача Васильева состояла в следующем: ему в кабинет поставлялись необходимые документы, а он должен был их конспектировать, наработывая тем самым материал для будущей книги под присмотром сотрудников разведки. Постепенно наблюдение за писателем снизилось до минимума, ему даже разрешали вывозить отдельные бумаги домой для скорейшего продвижения и завершения творческой операции. Всего было заполнено 8 толстых тетрадей, в которые Александр заносил как можно более подробную информацию.

В 1995 году Васильев подготовил черновой вариант кни-

ги, но сначала американское издательство расторгло контракт, а затем Васильева лишили доступа к архивным документам.

В 1996 году Васильев вместе с семьей эмигрировал в Великобританию. Тетради остались в России. Но перед отъездом Васильев оцифровал их. Сейчас оцифрованные копии хранятся в библиотеки Конгресса США.

В контексте нашей книги «Бумаги Александра Васильева» ценны как первоисточник переписки нью-йоркской резидентуры советской внешней разведки и Москвы по теме атомного шпионажа. Разумеется, там нет информации, которую передавали западные ученые. Скажем так, Александра Васильева она не интересовала. Зато есть описание организации связи с ними. Автобиографии и биографии агентов и другая ценная информация. Оговоримся сразу, не все названные в нашей книге западные ученые – агенты советской разведки есть в «Тетрадах Александра Васильева». Кого-то вычислили западные журналисты и авторы других книг, написанные в девяностые годы.

Другой ценный источник информации для нашей книги: «The report of the Royal Commission appointed under Order in Council P.C. 411 of February 5, 1946 to investigate the facts relating to and the circumstances surrounding the communication, by public officials and other persons in positions of trust, of secret and confidential information to agents of a foreign power». Этот документ был подготовлен в Канаде в

1946 году на основе показаний шифровальщика аппарата военного атташе в Канаде лейтенанта Игоря Гузенко, который в сентябре 1945 года похитил и позже передал канадской стороне шифры и документы о деятельности советской военной разведки в Канаде. Учитывая то, что в этой стране он находился с 1942 года и по утверждению заместителя начальника Первого агентурного управления ГРУ Михаила Мильштейна (последнему пришлось заниматься расследованием этого дела): «секретные материалы, которые он передал... , всесторонне разоблачали деятельность советской военной разведки в этой стране, а по своему значению и ценности не имели себе равных в истории побегов и предательств разведчиков... на руках у перебежчика оказались секретные документы. Он снимал копии с тех, что шли в архив, а материалы требующие уничтожения, хранил в надежном месте. Своей преступной деятельностью Гузенко занимался с 1942 года по 1945 год»²⁵.

Фактически предатель передал канадской полиции ключ к сети советского атомного шпионажа на территории США, Канады и Великобритании. Арест в марте 1946 года британского физика Аллана Мэя, который с января 1943 года по сентябрь 1945 года трудился в Монреальской лаборатории – канадском подразделении американского Манхэттенского проекта, вызвал тревожное сердцебиение у американских и

²⁵ Мильштейн М. А. Сквозь годы войны и нищеты. Воспоминания военного разведчика. – М., 2000., – С. 78–79

британских контрразведчиков и в высших военных кругах этих двух стран. Полученные от Гузенко документы, а так же его показания относительно «канадского сегмента» не только выбили этот сегмент в советской сети атомного шпионажа, но и стали одной из причин его сворачивания начиная с 1946 года²⁶. Кроме того, благодаря информации Гузенко британская и американская контрразведка получила информацию о том, как была реализована система советского атомного шпионажа.

Второй важный комментарий. Критерии отбора персонажей для нашей книги.

Во-первых, эти люди не должны были на профессиональной основе сотрудничать с советской разведкой. Говоря другими словами их основное времяпровождение на работе: научная, техническая или какая-то еще деятельность непосредственно не связанная с разведкой. Например, супруги Моррис и Леонтина Коэн. Хотя они до 1950 года жили в США под собственными именами, но все же основная их трудовая деятельность – агенты-связники. Разумеется, у них были другие источники доходов, кроме гонораров от советской разведки, но шпионаж был первичным.

Другой пример. Разведчик советской военной разведки Жорж Коваль («Дельмар») хотя и родился в США в 1913 году в семье эмигрантов из Российской империи и окончил

²⁶ Мальков В. Л. «Манхэттенский проект». Разведка и дипломатия. – М., 1995., – С. 177, 179

американскую школу и два курса химического колледжа, но в 1932 году вместе с родителями и братом из-за экономического кризиса переехал в Советский Союз. С 1934 года по 1939 год учился в Московском химико-технологическом институте им. Д. И. Менделеева. В 1939 году поступил на службу в военную разведку. В 1940 году под собственным именем был направлен на разведывательную работу в США.

Когда в США развернулись работы над Манхэттенским проектом по созданию атомной бомбы, Коваль был принят на работу в атомный центр в Ок-Ридже (штат Теннесси) под своим настоящим именем. В Окридже в качестве химика-технолога Коваль поднимался по служебной лестнице и получал доступ ко всё более ценной информации. Им была собрана информация о технологических процессах и объёмах производства плутония, полония и других материалов. В 1945 году переведён в Дейтон, где также велись работы по атомному оружию. В конце 1948 года Коваль возвратился в СССР и поселился с семьёй в Москве. Восстановился в аспирантуре и начал заниматься научной работой, а спустя два года защитил диссертацию и стал кандидатом технических наук. История Героя Российской Федерации Жоржа Ковалья находится за пределами нашей книги.

Во-вторых, персонажи нашей книги – западные ученые и инженеры лично участвовали постоянно или разово в западных атомных проектах. Дело в том, что более 20 агентов советской разведки выступали в роли наводчиков, связных, ку-

рьеров и т. п. ролях при организации вербовки и коммуникаций с «атомными шпионами». Например, в процессе разработки Роберта Оппенгеймера участвовало свыше 5 советских агентов. Мы сделали исключение для нескольких человек – разместив их биографии из-за того, что эти люди сыграли важную роль.

В-третьих, участие персонажей нашей книги в советском атомном шпионаже, как минимум, не должно вызывать сомнений у западных спецслужб и журналистов. Если в отношении одних ученых, инженеров и других участников британского и американского атомных проектов мнение западного «экспертного» сообщества полностью или почти однозначно, то в отношении других, несмотря на то, что прошло более 60 лет, продолжают споры. Если например, относительно Роберта Оппенгеймера общее мнение склоняется к тому, что ученый лично не сообщал в Москву тайны американского атомного проекта, но мог не препятствовать этому лицам из своего ближайшего окружения, ну или, наоборот, вне работы не обсуждал атомные секреты, то в отношении других физиков не все так однозначно.

Как минимум, 9 ученых – участников американского и британского атомных проектов у советской внешней разведки имели статус «кандидат на вербовку». Был ли кто-то из них завербован или так и остался кандидатом, как например, тот же самый Роберт Оппенгеймер, установить по доступным нам источникам пока не удалось, но мы продолжаем ра-

ботать над этим. Поэтому эти люди не попали на страницы нашей книги. Как гласит русская пословица: «не пойман, не вор».

Еще есть несколько иностранных ученых, кого отдельные западные журналисты считают «атомными шпионами», но не приводят весомых аргументов. Это не значит, что первые не могли быть «тайными информаторами Москвы». Как шутят врачи: «Нет абсолютно здоровых людей. Есть не дообследованные». Например, британский физик Уилфрид Бэзил Манн, который во время войны участвовал в британском атомном проекте.

В 1979 году вышла книга Эндрю Бойла "Атмосфера государственной измены", где автор впервые назвал имя четвертого советского агента из «Кембриджской пятерки» – Энтони Бланта. В этом произведении не только подробно описывалась измена Бланта, но также содержалась информация, которая имела бы дальнейшие последствия: в шпионской сети был пятый человек, которого Бойл назвал под кодовым именем “Бэзил”. Бойл предположил, что этот пятый человек, возможно, был ученым-ядерщиком, работавшим во время Второй мировой войны в научном отделе британского посольства в Вашингтоне. С 1946 по 1951 год Манн был делегатом Великобритании в Комиссии ООН по атомной энергии. На основе предположения автора отдельные западные журналисты предположили, что этот неназванный в книге ученый-ядерщик и советский шпион – Уилфрид Бэзил Манн и

поспешили назвать его «атомным человеком». Подчеркнем, что пока не опубликовано как в России, так и на Западе, веских доказательств сотрудничества Манна с советской разведкой. Хотя это не означает, что он не был «тайным информатором Москвы». Просто он еще «не дообследован» журналистами и историками. В отличие, например, от Роберта Опенгеймера, который имеет полуофициальный статус «кандидата на вербовку», но точно не «советского агента».

Уилфрид Бэзил Манн (1908–2001). Фото 1930-х годов

Отметим, что советский агент Дональд Маклейн («Гомер») с 1940 года занимал должность секретаря британского посольства в Вашингтоне. Он также руководил совместным комитетом по ядерным исследованиям и получил доступ к документам американской атомной программы. В 1944 году Маклейн был назначен первым секретарём английского посольства в Вашингтоне. С 1948 года Маклейн работал советником посольства в Каире. В 1950 году он получил повышение до руководителя Американского департамента Форин-офис. Имел доступ к секретной информации по ядерной программе. В 1951 году перебрался в СССР.

Более ранние расследования о возможном существовании другого участником шпионской сети были опубликованы в 1975 году *The Times* и *Penthouse*, и этот вопрос расследовался в 1975 и 1977 годах. Среди тех, кто предположительно был пятым человеком, называли: экс-директор британской разведки сэра Роджера Холлиса, офицера британской разведки Гая Лидделла, валлийского журналиста Горонви Риса и Виктора Ротшильд, 3-й барон Ротшильд. Однако в 1981 году Маргарет Тэтчер раскрыла, что другой человек, Джон Кэрнкросс, был пятым участником кембриджской шпионской сети, причем фактическое число членов этой группы, вероятно, было намного больше пяти...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.